

Настоящий Гвоздицкий

«Тот, кто получает пощечины» во МХАТе имени Чехова

Григорий Заславский

Для тех, у кого мало времени – в телеграфном стиле. Во МХАТе имени Чехова вышла премьера – «Тот, кто получает пощечины», пьеса Леонида Андреева, два часа сорок минут с одним антрактом. Постановка Райи-Синики Ранталы (Финляндия) приурочена к юбилею Виктора Гвоздицкого – 50-летию со дня рождения и 30-летию творческой деятельности. Хотя рядом с бенефициантом еще несколько хороших актеров и играют они хорошо (и Владимир Кашпур, и Станислав Любшин), идти на «Тота...» стоит из-за Гвоздицкого. Знать его мудрено, поскольку Гвоздицкий почти не снимался в кино и совсем не появляется в сериалах. Между тем, быть может, лучший актер нашего времени. Или – один из них. В данном случае его участие оправдывает затею.

Роль Гвоздицкого начинается в ложе. Сидя в пальто и цилиндре в директорской ложе чеховского МХАТа, он молча наблю-

«торчать» из костюма Пьеро, в котором Тот, которого играет Гвоздицкий, выходит на манеж, чтобы получить очередную порцию пощечин.

Пьеса – многословная, полная «философистики», как большинство пьес Леонида Андреева. Но роль Тота выбрана точно, роль, конечно, его. Герой, несчастный в любви (кажется, все его герои – в любви несчастные). И ищущий любви (как многие другие его герои). Мучимый неактуальными, экзистенциальными вопросами, прячущийся от них в цирке, где они и настаивают его. Муки рассудка, муки сознания. Все, что внутри.

У Юрия Кузнецова есть строчки: «Звать меня Кузнецов. Я – один, остальное – обман и подделка». Конечно, нельзя эти слова буквально переносить на театр, но, в общем, они близки к истине. Гвоздицкий – неисправимый перфекционист. Он всегда стремится к недостижимому идеалу, пределу игры-существования. И одинок – не потому, что стремится к одиночеству, просто «на старте» он вырывается резко вперед и догнать

мер, Андрей Мягков. Почему они так добры к нему? Осмелюсь предположить: в нем, как в гении, не видят соперника.

Для Табакова, художественного руководителя театра, Гвоздицкий, вероятно, то же, что и для Ефремова (и то же, что для Ефремова были Смоктуновский, Борисов, то есть – драгоценные чужаки). Но ценность Виктора Васильевича для Олега Павловича очевидна, и вот он подыскивает ему роли, зовет режиссеров, составляет особый репертуар. Все это вызывает уважение, поскольку скорее всего он Табакову не близок – манерой, бесконечной рефлексией, обращенностью в прошлое; по отсутствию побочных занятий... И все это, вероятно, одновременно и увлекает его в Гвоздицком.

Может, Гвоздицкий был бы уместнее не в Художественном, а в Малом. Не в конкретно-исторических условиях, а – вообще. Школа, полученная в Ярославском театральном училище, тому порукой (в Малом всегда любили выучеников провинциальных школ).

нее и ценить эти лишние умения. И пользоваться ими.

Вещи учат профессии. Не могут не учить, если, например, в первом действии «Трех сестер» Гвоздицкий выходил «в шпорах» Массальского, во втором – в кителе Соболевского, а на дуэль уходил в пальто, которое носил Евстигнеев.

Сегодняшнее время впору сравнить с эпохой «борьбы с излишествами». Тогда боролись с архитектурным декором, сегодня лишней кажется всякая подробность, в том числе и в актерской игре. Уходит потребитель, которому нужны были эти излишества. «Тайны профессии», перестали «продаваться».

Кажется, Гвоздицкому даже нравится, когда играть трудно. Значит, его актерский аппарат будет работать на пределе, на самых больших «оборотах». И будет громко, и будет тихо, и будет страдание без слов... И только слов без страдания не будет. Когда его некому выслушать на сцене, он принимается соревноваться с самим собой, с теми, которых он сыграл прежде в спектаклях Николая Шейко, Михаила Левитина, Камы Гинкаса и Олега Ефремова.

Разность интонаций, богатство интонаций снова напоминает о Малом театре – не речь, а музыка речи, со взлетами, падениями, крещендо, фортиссимо и, без паузы, «обрушением» в пиано...

К чему писать юбилейный портрет, когда – счастливый случай! – можно написать портрет актера в роли? Тем более что вообще о Гвоздицком написано много. Он воспет лучшими режиссерами и, кажется, всеми критиками.

Тот, который получает пощечины, – вариант чеховского Соленого. Гвоздицкий в этой роли «спокойно инфернален», по меткому выражению понимающего его режиссера. Его сосредоточенность, напряжение сил завораживают, так что кажется, Тот гадает взаправду, ведает, что говорит наезднице Консуэлле, в которую безнадежно влюблен.

Сосредоточенность преображает его «не такое лицо», любовь и боль так перемешаны во взгляде, что разделить их уже невозможно. И эта спутанность, единство крайних состояний, возвращают к прежним ролям Гвоздицкого и заставляют думать о еще не сыгранных ролях.

«А что такое смерть?» – спрашивает Тот, приготавливаясь к смерти. Гвоздицкий умеет задавать такие вопросы, показывая и ужас смерти, и страх любви. Страх всех бездн, перед которыми бессильна человеческая природа и в которые проваливается природой и суждено. Этот последний ужас в его глазах – глазах страдальца и глазах мучителя и убийцы – вызывает сочувствие. И откладывается в памяти как знак его игры. Рядом с боязливым безумием в глазах Смоктуновского, с высокой суетой Олега Борисова.

Тот, которого играет Виктор Гвоздицкий, в этой роли спокойно инфернален. Сцена из спектакля «Тот, кто получает пощечины».

Фото Петра Кассина (НГ-фото)

дает. На сцене уже говорят, уже ходят. И судя по всему, действие происходит в провинциальном цирке. Потом он встает, через партер проходит на сцену и сразу же принимается переобуваться в длинноносые, уродливые клоунские башмаки. Со множеством мелких движений – с подробностями, которыми славится его игра.

– С кем имею честь?
– Я не знаю... я не знаю... – видна растерянность в его глазах. Кажется, в эту минуту действительно не знает. Он вообще никогда не обманывает.

Глаза Гвоздицкого – зеркало его души. Такие большие глаза на «не таком лице», будто специально созданным, чтобы

его уже почти невозможно (и мало кому по силам). Взыскательность, тоска по совершенству (кому это сегодня знакомо?) в нем счастливо или, наоборот, несчастливо соединились с умением добиваться совершенства в каждой роли. Трудно ему соответствовать, а «присесть», смирять себя он так и не научился...

Вот и выходит, что рассказ о Гвоздицком может быть только грустным.

Хотя нет. Почему? В программке, приуроченной к премьере и к юбилею, поражает, с каким теплом, какой добротой отзываются о Гвоздицком коллеги. Даже не склонные к сентиментальничанью, как, напри-

Как пишет Вячеслав Невинный в уже упомянутом буклете, «он – артист провинциальный, как и я. Это замечательно, потому что провинциальный артист ближе к такому обтрепанному нынче слову, как профессия». Трудно утверждать, что именно там научили его профессии, которой, наверное, научить нельзя (сам Гвоздицкий говорит, что профессии может научить только сам театр – стены, лестницы, зеркала, вещи...). Но именно в Ярославле, думается, он научился отношению к делу, отношению к театру. Строгому. В Ярославле, говорит Гвоздицкий, он научился главному – жить в театре. Если можно так сказать, уметь лишь